

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

УТРО ДНЕЙ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Утро дней

Аннотация

«– Здравствуйте, Елизавета Германовна.

– С добрым утром, Лев Петрович.

– Вы позволите присесть около вас? Здесь прохладно. Я ходил в поле. Ужасно утомился, да и печет.

– Сделайте одолжение, Лев Петрович. Здесь, действительно, прекрасная тень. Вы мне нисколько не помешаете...»

Содержание

I	4
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Зинаида Гиппиус

Утро дней

I

– Здравствуйте, Елизавета Германовна.

– С добрым утром, Лев Петрович.

– Вы позволите присесть около вас? Здесь прохладно. Я ходил в поле. Ужасно утомился, да и печет.

– Сделайте одолжение, Лев Петрович. Здесь, действительно, прекрасная тень. Вы мне нисколько не мешаете.

Она немного отодвинула рабочую корзинку, где лежали разноцветные мотки ниток для вышиванья, и дала ему место.

Лев Петрович сел. Было очень жарко, он снял фуражку и помахал чистеньким носовым платочком себе в лицо. Лев Петрович казался не Львом Петровичем, а попросту Левой, ему можно бы дать не более четырнадцати-пятнадцати лет. Он был в летней парусинной форме кадета, высокий, стройный, тоненький, с изящными и мягкими манерами, как мальчик из хорошей семьи, притом долго живший дома и, может быть, любимец матери. Темные волосы, остриженные под гребенку, возвышались надо лбом пушисто и прямо; близорукие глаза, черные и красивые, он щурил; чуть-чуть

вздернутый носик, пухлые губы придавали ему совсем ребяческий вид; он говорил чрезвычайно вежливо, но не робко, немного заикался и при этом подымал круглые и тонкие брови. Цвет лица у него был здоровый, смугло-розовый.

– Вы не видали брата, Елизавета Германовна? Он здесь не проходил?

– Нет, я не заметила. Так жарко. У нас в доме, верно, все спят, кроме мамыши, конечно.

– Не помочь ли вам размотать нитки, Елизавета Германовна?

– У меня есть еще нитки, благодарю вас очень.

Разговор на минуту замолк. Лева поднял брови и задумался. Он, очевидно, хотел что-то сказать, но не знал, как лучше выразить свою мысль. Девочка, его собеседница, которую он называл Елизаветой Германовной, но которую все остальные знали Ветой, работала прилежно и важно, не поднимая глаз.

Кругом стояла тишина летнего жаркого дня. Пирамидальные тополи, острые и нежные, каждой веточкой тянулись к небу, и листья, разогретые южным солнцем, казались прозрачнее. Около каждой малороссийской усадьбы непременно есть аллея таких тополей. Здесь она была с левой стороны сада и спускались к самому пруду, или «сажалке», сплошь покрытой зеленоватым, тусклым налетом «ряски», другими водяными травами, длинными и цепкими, и широколиственными купавами. Черная вода между зеленью не колыхалось и не отражала неба; казалось – это была пустота с темным, глу-

боким дном. Стрекозы бесшумно и стремительно летали над водяными кустами, сверкая стеклянными крыльями. Небесный свод, яркий, жаркий и безнадежно чистый, синел между деревьями. Вверху и внизу в воздухе были разлиты те неясные звоны, шелесты и жужжания, которые делают тишину дня особенно глубокой. Только порой, из дальней части сада, засаженной малорослыми фруктовыми деревьями, доносились голоса работниц баб. Дети сидели на скамейки, в конце тополевой аллеи, недалеко от пруда.

– Вот едва неделя, как мы с вами познакомились, Елизавета Германовна, – сказал Лева, – а между тем я чувствую, что вы единственный человек, с которым я могу быть откровенным.

Вета подняла на него большие серые глаза и поправила волосы. Волосы ее, орехового цвета, были спереди подрезаны до бровей, а по сторонам падали пушистыми, но не вьющимися прядями, до плеч, закрывая уши. И узкое лицо с серьезным, даже строгим выражением, казалось от этого еще строже.

– Знаете, мне решительно не с кем быть откровенным, – продолжал Лева. – С братом мы далеки... В корпусе тоже я не имею друзей... Я, впрочем, и поступил недавно, с половины года... Ужасно там, в корпусе, грубо...

И он брезгливо повел плечами, вспомнив, как в корпусе грубо.

– А вы, Елизавета Германовна, где будете учиться? Девоч-

ка вспыхнула, точно вопрос ей был неприятен.

– Я учусь у мамыши, – проговорила она сдержанно. – Мамаша прежде, давно, когда я совсем маленькая была и жила у тети, занимала место классной дамы в Киевском институте. Оттого меня туда и приняли даром...

– Разве вы в институте?

– Ох, этот институт! – воскликнула девочка и всплеснула руками. – Слава Богу, мамаша взяла меня. Я думала, что умру. Все одна, сразу одна, против всех... Тоска – а тут учись, работай... Думаешь – что мама, – а тут по-французски «Le castor»¹ наизусть отвечай... А как запахло из окон свежей березой, а в коридорах известкой да краской – я не выдержала, заболела. Мамаша и взяла меня. Это она хорошо сделала. Нас только двое и есть на свете, как же нам разлучаться?

– А разве родных у Юлии Ивановны нет?

– Есть в Киеве тетя... Кузина мамина... Но мы к ней едем, если только необходимо, вот когда мама без места была...

– А у нас на хуторе вам нравится? И Юлии Ивановне нравится?

Девочка помолчала, опустив руки на свой передник, по-немецки аккуратно завязанный поверх розового платьяца.

– Здесь очень хорошо, – выговорила она. – И зимой было хорошо, а теперь, когда вы приехали, – еще лучше... То есть это я про вас, собственно, говорю, а не про вашего брата и не

---

¹ «Бобр» (фр.)

про папашу вашего... Дедушку мы очень полюбили. А только мама сомневается: поладим ли мы с вашим папашей?

– Отчего? Отчего это? – взволнованно спросил Лева, поднимая брови.

– Так. Мама, хотя и занимает теперь должность как бы экономки в вашем имении, однако имеет достоинство. У нее были и лучшие места. Зимой, без вас всех, шло так хорошо. Теперь же ваш отец недоволен, кричит постоянно.

Она умолкла, потому что услышала шаги. Прямо по аллее шли двое мужчин. Один был старик, очень бодрый, с седой бородой, черными бровями и орлиным носом. Другой – молоденький, в чечунчевом пиджачке, высокий и весь точно развинченный, с неприятным и нечистым лицом. Младший говорил что-то, хохотал и жестикулировал; старик шел молча, помахивая снятой с головы панамой.

Вета продолжала работать, опустя глаза.

– А, Лева и фрейлен Луиза! – вскричал молодой человек, подходя ближе и комически раскланиваясь. – Прелестная парочка!.. О чем это вы здесь воркуете?

– О своих делах, Николай Петрович, – сухо ответила девочка и встала, собирая работу.

– Ого, как важно! А что это за дела такие, можно узнать?

– Нет, нельзя. Будьте здоровы, Лев Петрович, – обратилась она к Лева, слегка приседая. – Я иду домой.

И, не взглянув больше ни на кого, она пошла прочь. Платье у нее было еще полудлинное и позволяло видеть малень-

кие ножки в черных чулках и туфельках без каблучков. Ей давно шел пятнадцатый год, но на вид казалось меньше: она была невысока.

– Скажите, принцесса! – захохотал ей вслед Николай Петрович. – Еще манерится, от полу не видать... Ты, Левка, ухаживаешь за немочкой, а?

– Оставь его, Николай, – сказал старик, который до тех пор все молчал, насупившись. – Лева должен идти домой и заняться своим делом. Надеюсь, он не забыл, что у него переэкзаменовка.

Высокенький Лева вспыхнул, приподнял брови и сказал:

– Нет, конечно, я не забыл. А куда вы идете, папа?

– Это решительно все равно. Отправляйся.

Отец и старший брат пошли своей дорогой, а Лева постоял-постоял и побрел домой. Но дома он не раскрыл книг (ведь была такая жара!), а принялся что-то тщательно клеить и устраивать.

II

В саду шум, хохот и визг. В доме беспорядок и безалаберность. Юлия Ивановна, хотя держится так же прямо в своем черном платье, однако не знает, сколько чего она выдала на обед, и сколько еще нужно выдать. Юлия Ивановна – некрасивая, немолодая немка, обрусевшая – но с типичным широким лицом и гладко зализанными русыми волосами. У нее старые плоские губы и обидчивое лицо, впрочем, довольно симпатичное и доброе.

С тех пор как в Бобрики приехали хозяева – все пошло худо. Особенно сам Петр Сергеевич. Кричит, придирается, воображает себя образцовым помещиком... И сынок старший тоже хорош. Хозяйки нет. Петр Сергеевич недавно овдовел. Совсем не то, что зимой, когда во всем доме жили только трое: дедушка да Юлия Ивановна с дочерью. Теперь еще гости наехали из соседнего уездного города: барышни, дамы, офицеры. Корми их, заботься о постелях. Юлия Ивановна не ленива, но она боится, как бы не вышло неприятностей с Петром Сергеевичем.

Николай Петрович, вихляясь, дергаясь и хохоча во все горло, ухаживал за барышнями. Молодежь, т. е. офицеры и барышни от восемнадцати до тридцати лет, и даже более – вообще все барышни – днями шатались по саду, особенно по фруктовому, и уничтожали, с помощью молодого хозяи-

на Николая Петровича, сливы белые, розовые и синие, зелено-желтые ренклоды, груши длинные, круглые, большие и маленькие, яблоки ранеты, яблоки кармазинки, красные, как кровь сверху и розовые внутри, до самого сердца, – даже посягали на антоновку, хотя в августе она никуда не годилась и только кривила барышням рты. Все это рвалось, тащилось без осторожности, без меры. Напрасно садовник, жалея деревья, предлагал господам набрать слив; «молодежь» любезно отклоняла его услуги – и нежная, хрупкая слива *reine Claude*² гнулась и вздрагивала, роняя прозрачные плоды в траву.

Николай Петрович особенно ухаживал за одной барышней лет двадцати пяти. Барышня была дочь богатого домовладельца в городе Поставце, имела рыжеватые волосы, пышное сложение, на лице веснушки и голос необыкновенно пронзительный, хотя веселый. Звали ее Наталья Мартыновна.

Часто эта парочка отделялась от общества и рыскала по саду, по полю... Заходила и в клуню, где уже начинали молотить овес и пшеницу. У стога соломы Наталья Мартыновна нашла змеиные яйца, белые, слипшиеся одно с другим – и так завизжала, что лошади, покорно и тупо ходившие кругом в большой молотилке, устроенной вроде карусели – вдруг остановились и начали бить. А у Николая Петровича уши заложило, в голове поднялся звон, и он с досадой подумал:

---

² ренклад (сорт слив; *фр.*).

«Черт тебя возьми, гудок фабричный, оглушит совсем».

Но и при таких сильных свойствах голоса Наталья Мартыновна любила нежничать и картавить, как маленькая девочка.

– Николай Петловиц, а где Легоцка? Маленький Легоцка, блатец? Я так люблю деток, так люблю деток...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.